

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

• 1961 •

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПОДДЕЛКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Член-корр. АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

В наших архивохранилищах хранится довольно много подложных документов. Таковы, например, поддельные грамоты русских князей монастырям — вроде грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерской лавре¹ или грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю², или подложные произведения с целью защиты какой-либо вероисповедной точки зрения: старообрядческой против православных или православных против старообрядцев (например, «Деяние соборное на Мартына-еретика» и «Феогностов требник»³), защита русско-литовских антитринитариев против православных (письмо половца Ивана Смеры князю Владимиру⁴) и т. д.

Аналогичное положение существует и в западноевропейских рукописных хранилищах, где находится очень много поддельных памятников⁵. Поэтому вопрос о подделках и об их относительной ценности должен быть особо рассмотрен в нашей науке.

За последнее время у нас появилось довольно много работ, посвященных отдельным «подделкам»⁶ и даже «творчеству» наиболее известных фальсификаторов⁷, од-

¹ Митр. Макарий. История русской церкви, т. III, изд. 3-е. СПб., 1888, стр. 41—55.

² Иеромонах Арсений. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преп. Сергия. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. VII. СПб., 1884, стр. 139—175.

³ В. Г. Дружинин. Поморские палеографы начала XVIII столетия. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 31. Пг., 1923, стр. 1—66; его же. Дополнения к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века. Там же, вып. 33. Л., 1926, стр. 100—102.

⁴ Н. Малышевский. Подложное письмо половца Ивана Смеры к вел. кн. Владимиру. «Труды Киевской духовной академии», VI—VII, 1876 (здесь же литература вопроса). Как это ни странно, письмо половца Ивана Смеры было принято за подлинное (Л. Теплов и В. Немировский. Книгопечатание — русское изобретение. «Литературная газета» от 1 апреля 1950 г.).

⁵ Известны старинные подделки, например, грамоты короля Дагоберта монахам аббатства С.-Дени; «Псевдо-исидоровы декреталии», некоторые грамоты Карла Великого, грамота Константина Великого папе Сильвестру и т. д. Все эти поддельные документы сыграли в свое время крупную роль.

⁶ М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — «Труды ОДРЛ», XI. М.—Л., 1955; эе же. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. Там же, т. XIII. М.—Л., 1957; В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII в. Там же, т. XI, М.—Л., 1957.

⁷ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев). «Проблемы источниковедения», т. V. М., 1956, стр. 44—101.

нако в целом вопрос о подделках и принципах их изучения в советском источниковедении не рассматривался.

Вопрос этот очень сложен. Еще совсем недавно он ставился совсем иначе, нежели сейчас. Понятие подделки абсолютизировалось: поддельной считалась всякая рукопись и произведение, относящееся не к тому времени и принадлежащее не тому автору, которые обозначены (прямо или косвенно) в самом памятнике. Такие рукописи и произведения считались совершенно не заслуживающими внимания в целом и изучение их обычно заканчивалось с того момента, когда факт подделки являлся прочно установленным.

Однако достаточно привести несколько примеров, чтобы стало ясным, насколько относительно самое понятие подделки. Так, например, в результате исследований А. М. Ставрович некоторое время считалось, что Строгановская сибирская летопись является подделкой⁸. Основывалось это мнение на том, что А. М. Ставрович доказывала относительно позднее происхождение этой летописи (70-е годы XVII в.), с одной стороны, и тенденциозное преувеличение в ней роли Строгановых в походе Ермака — с другой. Однако ни отдаленность памятника от событий, в нем описываемых, ни тенденциозность памятника или даже явные искажения исторических фактов не являются еще признаками подделки; в таком случае к «подделкам» пришлось бы отнести львиную долю всех исторических и литературных произведений XI—XVII или XVIII—XX вв. Ведь тенденциозное изложение и позднее происхождение характерно для подавляющего большинства русских летописей, исторических повестей и пр.

К числу подделок до недавнего времени безоговорочно относили «Переписку Ивана Грозного с турецким султаном» и «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина». Это основывалось на том, что ни этой переписки, ни этих статейных списков в XVI в. не было; они лишь приписаны указанным в них лицам и посольствам. Однако обстоятельные исследования М. Д. Каган показали, что и в этом случае перед нами не подделки, а литературные произведения⁹. Подобного рода литературные произведения в виде документов приняты черты законченного жанра в XVII в.¹⁰ Однако складываться этот жанр начал значительно раньше. Так, к последней четверти XV в. относится «Рукописание шведского короля Магнуша» и к XVI в. — «Послание Александра Македонского к русским князьям». Оба эти произведения давно рассматривались историками литературы. Поэтому нет никаких оснований отказываться от рассмотрения таких интереснейших памятников, как «Переписка Ивана Грозного с турецким султаном» или «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина», относя их в разряд обычных подделок.

Приведем еще один пример. В Хрущовском списке Степенной книги (ЦГАДА, Библиотека МГАМИД, ф. 181, № 26/34) имеются три вставки: две из них сделаны на новых листах, введенных в рукопись за счет удаления последних листов отдельных тетрадей рукописи, а одна является результатом простого перемещения листов. Две вставки на новых листах дают и новый текст. Исследования С. Ф. Платонова, П. Г. Васенко¹¹, а в самое последнее время В. Н. Автократова¹² показали, что в этих

⁸ А. М. Ставрович. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. В кн. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922.

⁹ См. примечание 6.

¹⁰ О том, как из деловых форм письменности постепенно вырастают новые светские литературные жанры, см. у Д. С. Лихачева: Повести русских послов как памятники литературы. В кн. «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.». М.—Л., 1954, стр. 319—346; Возникновение русской литературы. М.—Л., 1955, стр. 111—119; К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. «Русская литература», 1958, № 2, стр. 11; Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 142—150.

¹¹ С. Ф. Платонов. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года. Соч., т. 1. Статьи по русской истории. Изд. 2-е. СПб., 1912, стр. 201—205; П. Г. Васенко. Хрущовский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. «Журн. Министерства народного просвещения», 1903, апрель, стр. 386—400.

¹² В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. «Труды ОДРЛ», т. XI. М.—Л., 1955, стр. 255—279.

вставках перед нами чрезвычайно интересный документ политической мысли. Но этот документ важен не для историка XVI в., а для историка конца XVII в. Это уже подделка в собственном смысле этого слова, но подделка эта оказывается проявлением политической мысли времени своего создания.

Все эти обстоятельства заставляют уделять поддельным памятникам больше внимания, чем это делалось до сих пор.

В источниковедении принято делить исторические источники на исторические остатки и исторические предания. Историк может изучать факты двояким образом; посредством собственного восприятия и посредством чужих восприятий. Один и тот же памятник может изучаться историком посредством собственного восприятия как *исторический остаток* и в то же время историк может пользоваться и чужим восприятием — изучать факт через чужое восприятие, изучать *предание* об этом факте.

Допустим, что перед нами «Повесть о Петре и Февронии». Мы можем изучать ее как памятник литературы и идеологии XV—XVI вв., но по этому же памятнику можно пытаться восстановить исторические события в Муромском княжестве. Таким образом, это — и остаток старины и рассказ о старине.

Если с этой точки зрения подходить к так называемым поддельным памятникам, созданным в древней Руси, то ясно, что они за редкими исключениями не годятся для изучения как рассказ о старине, но могут быть использованы в исследовании как остаток старины. По поддельным памятникам мы можем изучать мотивы, по которым они были созданы, литературные приемы самой подделки и т. д. Это — памятники быта и представлений своего времени, а часто общественной мысли и литературы.

Еще в 1904 г. автор весьма замечательной работы «Грамоты Галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников» И. А. Линниченко указывал: «... для историка признанием подложности документа не оканчивается его значение — документ есть все же документ; он имеет известную физиономию, за ним скрывается известный мотив, который и должен быть вскрыт историком. Познание этого мотива может дать историком весьма ценные указания на современные общественные отношения, и чем важнее по задаче своей такой подложный документ, тем он важнее для историка. Центр тяжести таким образом передвигается от самого документа к мотиву, вызвавшему подделку акта»¹³.

Далее И. А. Линниченко подчеркивает еще одну сторону подложных документов, сравнительно редкую, но которую в некоторых случаях не следует упускать из виду: если от эпохи, к которой отнесен подлог, до нашего времени не сохранилось подобных памятников, а во времена фальсификатора эти памятники существовали, то имитация фальсификатора может иметь некоторое значение и для характеристики подделываемых памятников. И. А. Линниченко пишет: «Если задача подложного документа — достижение известного реального результата, то естественно, что автор поддельного акта будет стараться придать ему, по мере своих знаний и искусства, внешний вид документа подлинного. Перед глазами совершающего подлог должен быть образец подлинный, с которого он, с теми или иными, необходимыми для его цели изменениями, копирует свой список. Чем более взыскательному и опытному критику будет представлен на утверждение известный документ, тем большей тщательностью должна отличаться самая техника подделки как со стороны формы, так и со стороны содержания. Поэтому, например, для составления какой-нибудь „Золотой грамоты“ требуется меньше знаний и подготовки, чем для подделки жалованной грамоты, нотариального акта, Краледворской рукописи. Нередко могут быть такие случаи: от известной эпохи до нас не дошло подлинных актов; между тем, мы имеем документы поддельные, составленные в такую эпоху, когда подлинные акты времени, которому приписывается известный документ, еще существовали. В таком случае

¹³ И. А. Линниченко. Грамоты Галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников. «Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук», 1904, т. IX, кн. 1, стр. 90.

документ, и подложный, приобретает для нас важное значение: он дает нам формулу недошедших до нас актов и, если возможно доказать близость копии к бывшему у фальсификатора образцу, может служить и к определению реальных бытовых черт времени, к которому его относит подделыватель»¹⁴. Именно такой материал, как доказывает И. А. Линниченко, и дают подделанные во второй половине XVI в. грамоты Льва Галицкого.

Наконец, обратим внимание еще на одну сторону изучения поддельных памятников: в текстологическом изучении нет принципиального различия между поддельным памятником и подлинным. Ведь даже поддельность памятника доказывается изучением всей истории текста. Чтобы исчерпывающе доказать поддельность, необходимо исследовать памятник решительно теми же приемами, какими исследуется и подлинный текст. Чем полнее и всестороннее будет исследована история текста поддельного памятника, в частности выяснено время его создания, «автор», побудительные причины (цель подделки), дальнейшая судьба текста, — тем основательнее будет доказана его поддельность.

Но есть одна сторона дела, которая особенно важна для установления подделки. Подделка — это такой же памятник, как и всякий другой, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, необходимо ясно и убедительно показать цель, ради которой эта подделка была совершена. До тех пор, пока не выяснены цели и побудительные причины, заставившие прибегнуть к обману, всегда может оказаться необходимость в пересмотре вопроса о поддельности.

Поскольку различия между подлинным и поддельным памятниками состоят главным образом в побудительных причинах к их созданию, нет оснований текстологическое изучение подделок вести каким-либо особым образом. История текста так называемых подделок должна изучаться точно так же, как и история текста подлинных произведений.

В самом деле, если мы изучаем поддельный список «Поучения» Владимира Мономаха, то мы должны изучать его теми же самыми приемами, что и подлинный список, т. е. непременно рассматривать историю его текста, историю создания самого списка. Допустим, мы установили, что подложный список сделан не совсем аккуратно с первого печатного издания Лаврентьевской летописи с желанием подражать уставу XII в., и сделан он в коммерческих целях — на продажу. На основании чего мы должны отказаться от изучения текстологической истории «Поучения»? Только потому, что это плохая поздняя копия с уже изданного текста. Но ведь на этом основании мы не стали бы рассматривать и некоторые подлинные тексты древних памятников. Так, например, мы не исследуем списки Проложной редакции «Повести о Николе Зараском» — редакции, впервые появившейся в печатном Прологе 1662 г.¹⁵

В текстологическое рассмотрение мы не включаем также обычно списки, о которых мы можем сказать, что они являются копиями с известных нам более древних списков. Ну, а если «подделыватель» занялся сочинительством и дополнил «Поучение» своими вставками? Если этот «подделыватель» жил в XVII в. и вставки его представляют чисто литературный или общественно-политический интерес, — в этом случае мы изучаем такой поддельный список XVII в. как новую редакцию «Поучения». Такая редакция, если бы она была, представила для нас очень большой интерес. Аналогичная подделка «Поучения» со вставками XIX в. будет иметь значительно меньший интерес для историка литературы. Значит, и здесь введение или невведение в изучение той или иной подделки зависит вовсе не от того, является новый список поддельным или нет, а от соображений чисто текстологических — таких же, как и в отношении подлинного текста.

¹⁴ И. А. Линниченко. Ук. соч., стр. 90—91.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском. «Труды ОДРЛ», т. VII. М.—Л., 1949, стр. 278.

Вместе с тем необходимо твердо помнить, что понятие «подделки» — историческое и в значительной мере зависит от представлений об авторской собственности — представлений, меняющихся по векам. «Рукописание шведского короля Магнуша» можно было бы считать «подделкой», если бы оно было создано в XIX в., но с точки зрения историка литературы, учитывающего особенности литературного процесса, — это произведение конца XV в. очень характерно для своего времени и никакого вопроса о том, что это подделка, никогда не вставало.

Некоторые виды «подделок» типичны для XVII в. и представляют любопытное явление в литературном развитии этого времени. Понятие подделки уточняется в XVIII и XIX вв. в связи с развитием представлений об исторических источниках, о литературной собственности и т. д. Тем не менее подделки А. И. Сулакадзева и А. И. Бардина начала XIX в. можно изучать как явление истории книжной торговли, и как явление истории русской литературы, и как явление истории исторических знаний, связанное с оживлением научного интереса к прошлому России и к собиранию документального материала в начале XIX в., и, наконец, как показатель палеографических знаний начала XIX в. Во всех этих отношениях своеобразная «деятельность» обоих фальсификаторов представляет большой интерес, хотя объективно она и принесла серьезный ущерб исторической науке.

С точки зрения историков литературы и историков общественной мысли, отдельные подделки, конечно, не равноценны. В первую очередь заслуживают внимания те из них, которые делались не с коммерческими целями (не для выгодной продажи), а имели более «высокие» побудительные причины (желание поднять значение своей национальной старины, отстоять какую-либо точку зрения, создать политический памфлет и т. д.). Историки литературы не случайно изучают фальсификацию второй половины XVIII и первой половины XIX в. — «Сочинения Оссиана, сына Фингала», выполненную шотландским патриотом и фольклористом Джемсом Макферсоном¹⁶, или литературные мистификации П. Мериме — «Театр Клары Газуль» и «Гюзла»¹⁷ — «Кралеьдворскую рукопись» и т. д. Историками литературы давно отмечена связь романтического направления в литературе с различными искусственными воспроизведениями старинной литературы и фольклора, некоторые из которых достигали крупной художественной значимости. Однако критерий ценности, который мы прилагаем к подделкам, остается тем же и в отношении подлинных литературных произведений. Мы не будем интересоваться подлинными литературными произведениями, если они созданы только с коммерческой целью, не представляют художественной ценности и не показательны для эпохи.

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что изучение подделок не имеет серьезных отличий от изучения подлинных памятников и что отказываться от полного изучения подделок мы должны по тем же причинам, по которым отказываемся от изучения подлинных произведений: если они не представляют значительного литературного, общественного и текстологического интереса. В этом случае достаточно выяснить происхождение подделки, ее цели, или, по крайней мере, ее подлинную дату, установив несоответствие ее данных той эпохе, на которую она претендует.

Однако как же обстоит дело с моральной стороной деятельности фальсификаторов? В различные эпохи дело обстоит по-разному. Представления об авторской собственности слагались исторически. Они были своеобразны в античности¹⁸ и в средние

¹⁶ I. Macpherson. The Works of Ossian, the son of Fingal, 1765.

¹⁷ «Le théâtre de Clara Gasul». Paris, 1825; «La Guzla ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine». Paris, 1827.

¹⁸ См. об этом: Hermann Peter. Wahrheit und Kunst. Geschichtsscheibung und Plagiat im Klassischen Altertum. Leipzig — Berlin, 1911; Eduard Stemplinger. Litteratur. Leipzig — Berlin, 1912.

По вопросу о подделках см. также: H. Hagen. Über litterarische Fälschungen. Hamburg, 1889; J. A. Farrer. Literary Forgezies. London, 1907.

века. Громадное большинство древнерусских книжников с нашей точки зрения оказались бы плагиаторами и компиляторами чужих произведений. Но, будучи и теми и другими, они не выставляли на вновь создаваемых ими сводах, новых редакциях произведений своих собственных имен, а если и выставляли, то не видели в этом нарушений «авторского права». Это происходило потому, что коллективность творчества, характерная для фольклора, еще не была изжита в древней Руси. Особенно ярко эта коллективность творчества проявилась в летописании, где каждый летописный свод являлся продолжением и соединением работы многих десятков летописцев. Ясно, что в эпоху, когда представления о личном характере творчества не успели в достаточной мере сложиться, вопрос о моральной стороне подделок должен подниматься в строго историческом аспекте. Не может этот вопрос стоять и тогда, когда подделка ставит себе художественные задачи мистификации (Д. Макферсона, П. Мериме и пр.).

Однако историк обязан быть непримиримым к современным нам фальсификациям. Ничего кроме возмущения не могут вызвать подделки, которыми широко пользуется в последнее время К. С. Бадигин, спекулируя на патриотических чувствах советских читателей. В его статьях и книгах мы находим ссылки на записки некоего Ивана Новгородца, на фантастические карты плавания Амоса Коровинича еще в XIII в., на «портрет» Ивана Новгородца, якобы имевшийся на одной из икон, ссылки на несуществующие вкладные книги, на источники, в которых отсутствует тот текст, который приводится К. С. Бадигиным, и т. д.¹⁹

В наше время, когда представления об исторических источниках, об их научной ценности и литературной собственности стоят на достаточно высоком уровне, фальсификация памятников не может иметь каких-либо исторических оправданий. Объективно она приносит очень большой научный и политический вред. Поэтому всякого рода фальсификации исторических источников должны стать предметом пристального общественного внимания, а сами фальсификаторы привлекаться к суду общест-венности — так же, как привлекаются у нас дезорганизаторы производства, лже-свидетели, подделыватели произведений искусства.

¹⁹ О фальсификациях, которыми пользуется К. С. Бадигин, см.: В. В. Мавро-дин. Против фальсификации истории географических исследований. «Изв. Всесоюзн. географ. об-ва», т. ХС. М.—Л., 1958, стр. 81—86.